

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-1/7-20

Научная статья

© С. А. Чернышов

КОНСТИТУИРУЮЩИЕ НАРРАТИВЫ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ СИБИРИ: МЕЖДУ ЛИЧНЫМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ

В статье рассматриваются нарративы локальной исторической самоидентификации жителей сибирских регионов России. Основной задачей исследования был поиск специфических, не связанных с типовыми историческими мифами российской периферии, идей, посредством которых сибиряки конструируют собственную социальную идентичность. Информационной базой исследования послужили результаты фокус-групп, проведенных в 9 городах Сибири и Урала: Перми, Тюмени, Омске, Новосибирске, Барнауле, Кемерово, Томске, Красноярске, Иркутске. В результате исследования выявлено, что основой для локальной исторической самоидентификации сибиряков является воспринимаемый некритически типичный героизированный нарратив российской периферии, связанной с ее освоением представителями «страны», под которой понимается центральное правительство. Среди нарративов локальной исторической памяти доминируют узкие локальные сюжеты, связанные с конкретными территориями — от строительства моста через Обь в Новосибирске до развития угольной промышленности в Кузбассе. Общими же мифами являются нарративы героического «освоения Сибири» от Ермака до советских индустриальных строек. В таком виде выявленный набор исторических мифов носит ярко выраженный москвоцентричный характер и не может служить основой для конструирования локальной идентичности. Однако, как только периферийный общенациональный нарратив входит в конфликт с личным или семейным опытом респондентов, он подвергается коррозии. Это приводит к критическому осмыслению конституирующих нарративов локальной исторической самоидентификации.

Ключевые слова: региональная идентичность, историческая память, Сибирь, сибиряки, история России, история Сибири

Ссылка при цитировании: Чернышов С. А. Конституирующие нарративы локальной исторической памяти жителей регионов Сибири: между личным и общественным // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 7–20.

Чернышов Сергей Андреевич — к. и. н., старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050 г. Томск, ул. Ленина, 36). Эл. почта: 1502911@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150/>

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-1/7-20

Original article

© *Sergey Chernyshov*

CONSTITUENT NARRATIVES OF LOCAL HISTORICAL MEMORY OF RESIDENTS OF SIBERIA REGIONS: BETWEEN PERSONAL AND PUBLIC

The article examines the narratives of local historical self-identification of residents of the Siberian regions of Russia. The main objective of the study was to search for specific ideas, not related to the typical historical myths of the Russian periphery, through which Siberians construct their own social identity. The information base for the study was the results of focus groups conducted in 9 cities of Siberia and the Urals: Perm, Tyumen, Omsk, Novosibirsk, Barnaul, Kemerovo, Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk. It was revealed that the local historical self-identification of Siberians is based on the perceived uncritically typical heroic narrative of the Russian periphery, associated with its development by representatives of the “country,” which is understood as the central government. Among the narratives of local historical memory, narrow local subjects associated with specific territories dominate — from the construction of a bridge across the Ob in Novosibirsk to the development of the coal industry in Kuzbass. Common myths are the narratives of the heroic “development of Siberia” from Ermak to Soviet industrial construction projects. In this form, the identified set of historical myths has a clearly Moscow-centric character and cannot serve as a basis for constructing local identity. However, as soon as the peripheral national narrative comes into conflict with the personal or family experiences of respondents, it corrodes. This leads to a critical understanding of the constitutive narratives of local historical self-identification.

Keywords: regional identity, historical memory, Siberia, Siberians, history of Russia, history of Siberia

Author info: Chernyshov, Sergey A. — Ph.D. in History, Senior Researcher at the Laboratory of Social Anthropological Research, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 1502911@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

For citation: Chernyshov, S. A. 2024. Constituent Narratives of Local Historical Memory of Residents of Siberia Regions: Between Personal and Public. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 7–20.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150/>

Введение

Историческая память — связующее звено между прошлым, настоящим и будущим не только для государств или локальных (этнических или территориальных) социальных сообществ, но и для конкретных людей. По выражению британского социолога Б. Андерсона, нации — это сообщества, которые «неуклонно движутся

вглубь истории и из глубины истории» (Андерсон 2001: 49). Выражаемые в мифах об общем прошлом, консенсусных исторических героях и ключевых событиях национальной (локальной) истории, нарративы исторической памяти являются одной из важных составляющих идентичности социального сообщества и самоидентификации отдельного человека (Тишков 2003: 60).

В нашей стране к локальным (территориальным и/или этническим) идентичностям относятся настороженно, часто выводя их из феномена «парада суверенитетов» и угрозы распада единого государства. И тем более настороженно относятся в настоящее время к локальным историческим нарративам как одной из смыслообразующих частей локальной самоидентификации. На фоне известного международного контекста региональные истории внезапно становятся воинственными «контристриями», а само их существование директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров сравнивает с «гражданской войной в умах» (Касьянов 2019: 62).

Примечательно, что многочисленные исследования локальных идентичностей в России крайне редко затрагивают тему исторической самоидентификации. Подчас это приводит к дисциплинарным и терминологическим коллизиям: например, устоявшийся среди историков термин «историческая память» заменяется социологами-авторами тематических статей терминами «самоопределение» или «рефлексия наций опыта своего государственного развития» (Курдина-Чэндлер 2019: 7) и даже «ностальгия» (Морозов, Слепцова 2020: 214). А если исследователи и касаются исторических аспектов коллективной самоидентификации, то вопросы часто сосредотачиваются на личных или семейных практиках коммеморации национального или локального исторического опыта (вплоть до исследования потребительского поведения по соображениям принципиального неприятия тех или иных исторических периодов) (Карпова 2021: 161).

В терминологии постколониального дискурса нарративы локальной исторической самоидентификации можно идентифицировать как совершенно колониальные, почти полностью связанные с метрополией, включая эпизоды ее героического открытия/освоения/развития со стороны представителей этой метрополии. Так, актуальные соопросы в качестве смыслообразующих исторических нарративов для жителей Урала фиксируют пространственно-географический образ «Каменного пояса» и «горно-заводской цивилизации» (Головнева 2013: 86). В отдельных городах Свердловской области (Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Магнитогорск и Миасс) каркасом локальной идентичности служит идея освоения природных ресурсов в до-революционный и советский период (Петрова 2016: 50). В Пермском крае исследователи фиксируют преобладание в исторической памяти эпизодов, связанных с Романовыми и Строгановыми (Призюк 2022).

Аналогичным образом (через колониальный дискурс) можно интерпретировать и доминирование в локальных исторических нарративах достижений советского периода (Мартынова и др. 2023). Опросы в самых разных регионах России демонстрируют, что респонденты плохо знают региональную историю, а если и знают, то в основном советский период (Зимовина, Проданцов 2022: 13), героизируя и романтизируя индустриальные, социальные или инфраструктурные достижения этого периода. Исключение, пожалуй, составляют только несколько национальных республик, прежде всего Республика Татарстан, где история Волжской Булгарии, Золотой орды, Казанского ханства успешно конкурируют с советским периодом за звание идентифицирующего периода локальной исторической памяти (Карбаинов 2018: 57).

Очевидно, что региональная история становится значимым фактором самоидентификации локального сообщества только тогда, когда историческая память этого сообщества содержит в себе специфические нарративы, не связанные напрямую с национальными нарративами исторической памяти. Такие, где сравнение с метрополией играет незначительную роль, а героизация «освоения» края если и упоминается, что не в ключе «было плохо без метрополии — стало хорошо с метрополией».

В этом смысле Сибирь — макрорегион, где типовые колониальные сюжеты значительной части российской периферии являются наиболее заметными в локальной исторической самоидентификации. Их еще полтора века назад сформулировали Г. Н. Потанин и Н. В. Ядринцев в «Томских Губернских ведомостях» 1860-х годов — это отсталость Сибири по отношению к России и Европе, негативные характеристики развития Сибири в прошлом (например, ссылка) и позитивные перспективы в будущем, «особые черты» в характере сибиряков («завоеватели», «открыватели новых стран», «дух авантюризма» и т. д.) (Шевцов 2011: 92). Эти нарративы были закреплены в XX в. региональными краеведческими музеями, популярной исторической литературой и особенно массово — советским кинематографом. На советских экранах образ типичного «сибиряка» полон «пафоса свершений», колониальных идей (вместе с русскими в Сибирь пришло могущество и прогресс), представлений о суровом климате, который формирует «уникальный сибирский характер» — стойкость, выдержку, решительность. Вне зависимости от сюжетных линий, такова матрица значительного количества фильмов о Сибири: от «Ермака» до «Во глубине сибирских руд...», от «Парня из тайги» до «Ждите писем» и «Люди на мосту» (Головнева, Головнев 2017: 122).

Задачей этого исследования было — отыскать в локальных нарративах исторической памяти сибиряков нечто, не связанное с подобными довольно типовыми, с примесью наивного антропологического дискурса и героизации метрополии, сюжетами.

Концептуальная рамка и методология исследования

Исследование выполнено в парадигме социально-конструктивистского подхода, для которого идентичность является конституирующим (смыслообразующим) основанием социальной группы (Брубейкер, Купер 2002; Калхун 2013). Конструирование социальной идентичности в таком ключе следует воспринимать как выстраивание границ между своим сообществом и всем остальным миром, при этом нарративы такого конструирования не могут возникать на ровном месте — они должны опираться на значимые для сообщества символы и иметь хоть какие-то реальные связи с прошлым (Тулаева и др. 2022: 173). Исследование имеет междисциплинарный характер, поэтому здесь на помощь социологии приходит история, определяя этот конструкт как «коллективная память» — термин, введенный в оборот М. Хальбваксом еще в 1920-е годы.

В настоящее время в исторической науке используется расширенный терминологический ряд, включающий в себя «историческую политику» и «историческую память» и разделяющий, таким образом, общественную, «человеческую» коллективную память и отдельные историко-политические действия, направленные на ее конструирование. В основе исторической памяти и формирующей ее исторической политики — набор случайностей, на основе которых формируются исторические

мифы (*Levi-Strauss* 1964: 31). Коллективная историческая память редуцирует события до мифологических архетипов, забывая при этом «неудобные» вопросы, разделяющие конструируемое сообщество (*Андерсон* 2001: 31). Так формируется социальная реальность наций и локальных сообществ.

Смыслообразующие нарративы исторической памяти отвечают на вопросы «кто мы?» и «откуда мы?», определяя таким образом векторы актуальных социально-политических действий в социальном сообществе. Сюжетные стереотипы исторической памяти, сконструированные из случайного набора фактов из прошлого посредством политики памяти, становятся едва ли не более важными аргументами для тех или иных решений, чем события настоящего.

Поиск и структурирование смыслообразующих нарративов локальной исторической памяти жителей сибирских регионов осуществлялся на материалах исследования «Сибирь в социально-политической динамике российской государственности: ретроспективный и современный дискурсы коллективной исторической памяти», которое было проведено в декабре 2022 г. методом удалённых фокус-групп в 9 городах Сибири и Урала: Перми, Тюмени, Омске, Новосибирске, Барнауле, Кемерове, Томске, Красноярске, Иркутске. В каждой из фокус-групп приняло участие от 6 до 8 человек из числа людей, постоянно проживающих в соответствующем городе. В группах присутствовали представители следующих страт: пенсионеры, рабочие, работники государственного сектора, работники частного сектора по найму, студенты. Кроме того, группы были гендерно сбалансированы: ни в одной из групп не было абсолютного большинства мужчин или женщин. Дискуссия проводилась дистанционно при помощи российского сервиса «Яндекс.Телемост». Фокус вопросов исследования был сосредоточен на изучении оценки локальных исторических сюжетов. Респондентам задавались вопросы и выяснялось их отношение по нескольким историческим эпохам: период завоевания Сибири Ермаком; отношения с местным автохтонным населением; горнозаводской период XVIII в.; развитие добывающей промышленности в XIX в.; XVIII–XIX вв., «каторга и ссылки»; переселенческое движение второй половины XIX–начала XX вв.; открытие Транссибирской магистрали; Гражданская война в Сибири; советский период развития Сибири; нынешнее состояние дел в Сибири и отношения Сибири с федеральным центром и остальной Россией.

Периферийная история

Все фокус-группы мы начинали с общих вопросов. Ключевой из них — «Какое событие в истории Сибири, Урала (для пермяков и для тюменцев через запятую с «Сибирью») вы считаете самым важным? Почему?» — продемонстрировал доминирование у респондентов двух принципиальных нарративов.

Первый смыслообразующий нарратив — Сибирь (особенно в сравнении с «Россией» — той, московцентричной, которую традиционно изучают в школах на уроках истории) воспринимается респондентами во всех городах как место, где ничего не происходит, а если и происходит, то происходящее напрямую связано с активностью государства (как правило — центрального правительства).

«Что-то я даже не знаю. Но, вообще, у нас история богатая. Вообще, России, Руси. Всего СССР, там, я не знаю. А именно Сибири — а что у нас в Сибири?» (Новосибирск)

«У нас тут Батый не ходил, у нас Ледового побоища здесь не было, князя сюда и никакие немцы не дошли, не били мы их здесь». (Кемерово)

«Ссылльные добывали ресурсы, они строили железную дорогу, они добывали то же самое золото, которого здесь было очень много, и его здесь добывали с очень давних времен. То есть, это не Советская власть нашла россыпи и карьеры. Это еще при Александре, даже не при Николае, при Александре уже здесь начали добывать его. И это была очень дешевая рабочая сила, которая в результате помогла экономике Российской Империи хоть как-то выживать». (Иркутск)

Второй нарратив — очень размытая макрорегиональная проблематика и концентрация на очень локальных событиях прошлого. Если какой-то эпизод локальной истории и объединяет локальные исторические самоидентификации жителей разных городов, то это очень абстрактно понимаемое «освоение Сибири» (от Ермака до советских индустриальных строек), которое происходило на крайне неразвитых территориях с архаичным населением. Представляется, что эта идея имеет в своем основании типовую экспозицию регионального краеведческого музея на российской периферии, где местная история всегда начинается с каких-то шаманов и охотников-собирателей, сидящих вокруг костра и, по всей видимости, ждущих своей колонизации московским правительством.

«Ну, мне, например, из истории очень интересно, вообще, появление людей на территории сейчас Сибири. То, как древние племена проходили туда дальше на север, зачем они туда шли, и как потом образовывались вот эти малочисленные коренные народы». (Тюмень)

«Я бы выделил такие события, если совсем в глубоком историческом контексте, то это заселение территории Сибири древними людьми. Потому что до сих пор еще находят очень много археологических находок». (Красноярск)

При этом уникальных эпизодов самоидентификации предостаточно в каждом городе (регионе). Именно эти локальные, очень конкретно-исторические эпизоды в фокус-группах называли прежде всего, отвечая на вопрос «Какое событие в истории вы считаете самым важным?»

«Важное событие в истории Сибири строительство моста через Обь? Важное. Благодаря строительству этого моста железнодорожного, собственно и появился третий город страны Новосибирск». (Новосибирск)

«Вот у меня в голове вспоминаются события только самые основательные. Именно основание Перми. Это 1723 год, получается, как я помню». (Пермь)

«Скорее всего, самые яркие моменты исторические — это как раз-таки вот связанные с Колчаком, с адмиралом, и, ну, вот, с ссылкой, например, Достоевского, его каторжничеством. Это у нас Омск именно вот знаменит». (Омск)

«Мне лично интересен больше 19 век, потому что это все-таки развитие, скажем так, это развитие некоего права в Сибири, потому что там возникает административное деление, там промышленность возникает — это все надо регулировать». (Томск)

«Ну да, самое главное — уголь нашли. Здесь месторождение угля, здесь мы работаем теперь, добываем уголь». (Кемерово)

«Тот же Демидов прекрасный, Ползунов — учусь в политехе имени Ползунова, то есть как минимум знаю его историю, знаю период того времени». (Барнаул)

Нарратив «освоения Сибири» в исторической памяти

На фоне множественности доминирующих «локальных историй» едва ли не единственным собственно «сибирским» (макрорегиональным) историческим нарративом действительно остается широко понимаемая история «освоения Сибири». Строго говоря, в восприятии респондентов сибирская макрорегиональная история — это и есть почти исключительно история завоевания, освоения и развития Сибири со стороны центрального правительства.

Сюжетная линия этого локального исторического мифа берет начало, естественно, с Ермака и шире — с приходом в Сибирь первых русских воинов или поселенцев. Этот довольно длительный на деле исторический эпизод в ретроспективном конструировании локальной исторической памяти уместается в одну конкретную точку на временной шкале, до которой — мрак, архаика и неизвестность, после которой развитие и жизнь. Появление русских для локального исторического мифа — нечто вроде «Большого взрыва», после которого, собственно, и начинается местная историческая вселенная.

«Мы не знаем, только можем предполагать то, что было раньше на месте Сибири, на месте Томска, где мы живем». (Томск)

«Для самой Сибири я не знаю, потому что мы Сибирь-то знаем только последние лет триста. До этого мы практически ничего про нее не знаем. Как тут жили, кто тут что делал». (Барнаул)

«Вроде бы мы живем так, что если в каком-то техническом, экономическом или еще каком-то плане некая территория отстает, то вся оставшаяся, все оставшееся в округе начинают, в общем-то, эту территорию, людей, которые на ней находятся, подпирать. Вот это с Ермаком и произошло. Ну, точнее, руками Ермака это было и сделано». (Томск)

Неудивительно, что Ермак для локального исторического мифа в таком случае воспринимается как ключевая для истории фигура. Как полубог, который запустил в Сибири шестеренки локальной истории.

«Ну, конечно, он сделал, открыл же, присоединение к России, к русским землям. Ну, положительно, да, я думаю, что открыл для нас Сибирь и возможности разные». (Новосибирск)

«Один из самых важных в становлении Сибири — это, в принципе, присоединение Сибирского ханства Ермаком Тимофеевичем, в 1580-х, кажется, это было. Вот». (Барнаул)

«Для тех времен, да, движение России на Восток — это было, это был прогресс. А что бы здесь было, если бы не пришла Россия? Это мы можем только предполагать». (Новосибирск)

Подобные исторические действия обязаны иметь сообразные декорации, на фоне которых и ради которых развивается героический сюжет «освоения Сибири». В роли таких декораций в локальном историческом мифе выступает местное население. На его примере респонденты демонстрируют не только прогрессивную роль «освоения Сибири», но и альтернативные этому «освоению» сценарии — естественно, негативные.

«Если бы Ермаком не была освоена Сибирь, возможно, эти многие века они жили бы в том же ключе, как они были до освоения Сибири. И кто же знает, может быть, их бы это и устраивало». (Новосибирск)

«Тут у нас, что особо завоевывать-то было? Коми-пермяки, которые там по лесам сидели? Я даже не знаю, тут особо завоевывать-то, мне кажется, нечего было». (Пермь)

«Им дают все, совершенно все, которые возможно, льготы, платят налоги за бизнес — пожалуйста, открывай свою шаурму, там не шаурму, там буузы свои вари, и ты налоги не будешь платить — пожалуйста. Но почему-то ты заходишь, а там не алтайцы хозяева. Почему они этого не делают?». (Кемерово)

«Ну, окончательный результат всего этого мы, наверное, можем видеть сейчас. В принципе, регион развитый, и развитие имеет по сей день. А на тот момент освоение, может быть, как-то негативно сказалось на коренных народах и их культуре, развитии их культуры. Но вроде, насколько я понимаю, сейчас у нас какие-то привилегии у этих народов есть, они как-то там государством оберегаются. Я не могу сказать, негативно это сказалось или нет. Сейчас я вижу только, все идет в хорошее русло». (Тюмень)

Государство (понимаемое прежде всего, как центральное правительство) всегда, на протяжении всей локальной истории несло в Сибирь прогресс и добро. Даже ссылка, даже каторга, даже война или насильственная коллективизация. Все эти негативные события осмысливаются в локальной исторической памяти в контексте равнозначного, или даже более выгодного обмена: да, мы отдаем ресурсы, но взамен получаем развитую культуру. Да, мы отправляем солдат, но взамен получаем заводы и фабрики. Да, автохтонное население возможно и испытывало страдания, но взамен получало принадлежность к великой стране.

«При слове «каторжане» сразу можно подумать о том, что каторжане, наверное, тоже делились на уголовников и на политических. Но культурные люди, которые по своим политическим убеждениям сосланы, они кроме цивилизации и грамоты, и культуры ничего не могли нести, как те же декабристы». (Новосибирск)

«Само по себе явление ссылки, наверное, ужасное и бесчеловечное, потому что против своей воли людей часто отправляли. Это Империя делала, и Советский Союз массово делал, и так далее. Но если бы этого не было, вероятно, и нас бы сейчас тоже не было в этих регионах в таком количестве, не было бы такого развития». (Барнаул)

«Вот даже взять войну — это плохо, да. Но в этот период все-таки сюда, в Сибирь переместили столько промышленных предприятий, ну, эвакуировали. Многие ведь остались и дали толчок развитию. И люди устраивались, и работали, и заводы работать стали». (Томск)

Этот стройный нарратив подвергается коррозии только в одном случае, но это симптоматично и принципиально важно для исследования. Как только источником знаний кроме медиа, музеев, школьных учебников и популярной литературы в целом становится личный опыт (например, актуальные переживания, путешествия или семейная история, рассказанная очевидцами событий), пафос героического прошлого сменяется на более аккуратный нарратив неоднозначности, противоречивости ключевых эпизодов локальной истории.

«Возможно, мы привнесли некоторый прогресс, потому что людям он тут, по большому счету, не нужен был в своем сельском хозяйстве и животноводстве. И сколько вот я, допустим, езжу по глубинкам Алтая, ну, по Горному Алтаю имеется в виду, особо-то и не замечаешь каких-то изменений. То есть они как не пользовались особо прогрессом, так и не пользуются». (Барнаул)

«Если в молодости я думала, что колонизация более развитыми народами, странами новых земель — это добро, потому что приносит цивилизацию и блага цивилизации аборигенам, индейцам, народностям, ... сейчас мне видится колонизация достаточно нехорошим явлением». (Красноярск)

Героическое советское прошлое

Как и в других аналогичных исследованиях, результаты наших фокус-групп демонстрируют доминирование сюжетов советской истории в локальной исторической памяти. В этом нет ничего удивительного и уникального, эти сюжеты в основном типовые вне зависимости от регионов исследования, поэтому мы остановимся на них тезисно. Для наших респондентов история Сибири советского периода растворяется в истории большой страны, локально воспроизводит общенациональные героизированные сюжеты.

«Советское время для меня, я уже говорила, что это связано как раз с освоением Сибири. И здесь, может быть, я бы опять, наверное, ушла в сторону искусства, потому что как раз в советское время очень много художников приезжали по распределению в Томск, и это был такой, как бы, расцвет искусства». (Томск)

«Город, в котором родились мои бабушка с дедушкой, и город, в котором я живу — это два разных города. И за это время успело много чего построиться — и заводов, и институтов, и студенческий городок, как отдельный». (Омск)

«Сибирь в 20-м веке жила жизнью страны. Колхозы — колхозы в Сибири. Война — война в Сибири. Космос — радуемся за космос. Что оттепель — радуемся оттепели. И так далее. Мы жили жизнью страны». (Красноярск)

Советский период выполняет компенсаторную роль для респондентов, идеализированное советское прошлое вступает в символическое противостояние с «неправильным» российским настоящим.

«Смысл в чем — изменился инструмент. Например, мой дед, когда отправлялся строить Ангарск, он отправлялся сюда с тем, что он, во-первых, получит рабочее место, получит квартиру, получит все необходимые социальные условия. Люди приезжали строить страну». (Иркутск)

«У нас улицы везде широкие почему? Потому что приезжали в поле, строили, сотни тысяч людей приезжали сюда и начинали жить и работать сразу же. То есть это был период развития. А сейчас беда в том, что период развития кончился, сейчас идет отток населения, сейчас все уезжают». (Кемерово)

Советское доминирует в локальной исторической памяти даже тогда, когда речь идет о досоветском и постсоветском.

«Первая шахта «Успех», она была, да, она была в 19 веке заложена на Кузбассе или в 18 — не помню уже сейчас точно. А что касается такого ресурсного серьезного освоения, то, я думаю, что это все-таки в основном история, конечно, связанная с 20 веком». (Томск)

«Я не очень помню историю Пермского края времен царизма. Сейчас как бы у нас заводская святая троица — это Швецов, Соловьев и Мизинцев. Лично для меня, для моего завода, так сказать основоположники отечественной реактивной и военно-транспортной авиации». (Пермь)

«Если говорить про Иркутск, то я бы, скорее, назвал это городом декабристов. Но на Иркутск все-таки оказала большие влияния советская культура». (Иркутск)

«Ну да, в основном нам это рассказывали, конечно, старшие родственники о том, что в принципе, если не про Сибирь, что при Советском Союзе жилось лучше, чем сейчас, была стабильность как таковая». (Красноярск)

Личное против общественного

Наконец, остановимся на важной характеристике локальных исторических нарративов, которая была замечена на примере репрезентации опыта взаимодействия респондентов с местным населением — это конфликт коллективной памяти и доминирующих идей общенациональной исторической политики. В наших фокус-группах вопрос о соотношении личной социальной (в том числе, семейной) памяти и популярных героизированных исторических нарративов не поднимался, но если анализировать ответы на одни и те же вопросы, которые дают люди с разным личным и семейным опытом, то гипотеза противоречия «личного» и «общественного» подтверждается.

Когда респондентам задавались вопросы о нейтральных, не касающихся их лично исторических сюжетов, в основном они воспроизводили набор типовых исторических стереотипов. Как только мы наткнулись на опыт личных переживаний тех или иных событий, тон ответов становился совершенно иным.

Например, в отношении Гражданской войны в Сибири:

«Мы прошли, мы прожили свою жизнь, когда для нас Гражданская война, конечно, мы были красными, за красных. нас учили так, так было и так есть. Все. Белые были как врагами». (Барнаул)

«Ну, вот моему дяде сейчас 85 лет, и он со слов своих родителей рассказывал, что во время Гражданской войны приходили красные — забирали коней и ставили под ружье, заходили белые — забирали коней и ставили под ружье. А воевать не хотели ни на той, ни на той стороне». (Новосибирск)

Например, в отношении насильственной коллективизации и индустриализации:

«Самое значимое, ну, скажем так, периоды самые значимые для меня — это, во-первых, когда началась индустриализация Кемерово, Сибири — это 30-е годы прошлого века. Это тоже дало толчок развитию и дальнейшему освоению Сибири». (Кемерово)

«Раскулачивали семьи, где было очень много детей, где все работали, вот на примере моей бабушки. У них было 12 детей, было хозяйство, и они все трудились. И потом приходили и забирали у них скот, и эти дети голодали. У них были одни валенки на всю семью. Вот. И эта разруха, это горе, нищета. Ничего для региона хорошего не могло быть». (Тюмень)

Например, в отношении «ресурсного проклятия» местной экономики в зависимости от места жительства респондентов и современного внимания к этим регионам со стороны федерального центра:

«Я думаю, что Сибирь дает России больше пропорционально, чем Россия дает Сибири. Даже просто чисто пофантазировать, провести полосу по Уралу и сказать, что это две отдельные страны — я думаю, Сибирь не проиграет, а Россия в этом плане проиграет». (Барнаул)

«То, что дает Сибирь, скажем так, стране, и что Россия дает Сибири, ну, тут уже сложившаяся система, да, там распределения финансовых ресурсов. В последнее время могу за Кемерово сказать, да, я вижу, что у нас город развивается, стройки идут, федеральные деньги приходят — это плюс». (Кемерово)

«Россия отвечает взаимностью, судя по тому, когда я была в других регионах и видела, какой там уровень жизни людей, и то, что наши нефть и газ — это большое-большое-великое дело. Вот. И наш регион развивается и в промышленном плане, и в культурном. Он намного лучше других регионов России». (Тюмень)

Конфликт локальной коллективной памяти и общенациональной исторической политики возникал в фокус-группах в результате прямых вопросов, связанных с личными или семейными переживаниями отдельных исторических этапов или эпизодов локальной истории. Это может означать, что общераспространенные нарративы локальной исторической памяти воспринимаются местными жителями без критического осмысления, являются в некотором смысле искусственными для них и существуют постольку, поскольку не входят в конфликт с личным опытом.

Заключение

Ключевой задачей этого исследования был детальный анализ нарративов локальной исторической самоидентификации жителей сибирских регионов России. Мы попытались отыскать в локальных нарративах исторической памяти нечто не связанное с типовыми историческими мифами российской периферии, которые в основном концентрируются на героическом освоении территории силами представителей центрального правительства и дискурсах об особом антропологическом типе (естественно, тоже героическом) местного населения. Если рассматривать результаты исследования в таком фокусе, то они выглядят противоречивыми.

В исторической самоидентификации сибиряков доминируют узкие локальные сюжеты, связанные в основном с конкретными территориями — строительство моста через Обь в Новосибирске или развитие угольной промышленности в Кемерово. Если и есть что-то объединяющее эти местечковые самоидентификации, то это нарратив героического «освоения Сибири» от Ермака до советских индустриальных строек. Таким образом, локальная историческая самоидентификация сибиряков происходит с оглядкой на центральное правительство и по существу является функцией от его действий. Первые действия центрального правительства на той или иной территории (основание городов и острогов, покорение автохтонного населения и прочее) репрезентируется как локальный «Большой взрыв», с которого, собственно, и начинается полноценная местная история. Государство (условная «Москва») приходит на ту или иную территорию Сибири и включает местное архаичное население в общенациональные цивилизационные процессы.

Нетрудно заметить, что такой набор локальных исторических нарративов не содержит конституирующих (смыслообразующих) оснований социальной группы «сибиряки». Если основной пафос локальной исторической самоидентификации носит ярко выраженный московоцентричный характер, то очевидно, что в нем нет потенциала для конструирования социальной идентичности и выстраивания границ «мы/они».

Однако у этой реальности есть существенный изъян. По всей видимости, выявленные нами в ходе исследования нарративы локальной исторической самоидентификации воспринимаются респондентами не критично, и по существу являются для них искусственными и навязанными внешней средой. Это подтверждается коррозией этих нарративов при встрече с опытом личных или семейных переживаний тех или иных исторических эпизодов. Личный опыт неожиданно становится препятствием для общенационального героического нарратива локальной истории. С таким, как правило, трагическим личным опытом необходимо работать уже современным политикам — либо подавлять, либо прорабатывать.

Научная литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле. 2001. 286 с.
- Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.
- Головнева Е. В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // *Уральский исторический вестник*. 2013. № 2. С. 81–88.
- Головнева Е. В., Головнев И. А. Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 1 (159). С. 114–123.
- Зимовина Е. П., Проданцов К. С. Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // *Вестник антропологии*. 2022. № 2. С. 7–27. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-2/7-27>
- Калхун К. Национализм. М.: Directmedia. 2013. 286 с.
- Карбаинов Н. И. Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. № 21 (2). С. 45–74.
- Карпова Г. К. Влияние коллективной памяти на потребительские практики: кейс района Тушино (Москва) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021. № 24 (1). С. 138–167.
- Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: НЛЮ, 2019. 625 с.

- Кирдина-Чэндлер С. Г. К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // Мир России. 2019. Т. 28. № 2. С. 6–24. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-2-6-24>
- Мартынова М. Ю., Белова Н. А., Зыкина О. А., Кляус М. П. Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124>
- Морозов И. А., Слепцова И. С. С пристрастием вглядываясь в прошлое: «ад» и «рай» советской эпохи в современных музейных нарративах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. №23 (5). С. 195–224.
- Петрова Р. И. Локальный уровень в системе территориальных идентичностей городов Урала // Вестник Пермского научного центра. 2016. №5. С. 46–51.
- Призюк В. Я. Исторические образы как конструктор идентичности территории: актуальные тенденции Пермского края // Historia provinciae — журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 2. С. 539–580. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-5>
- Тишков В. А. Реквием по этносу. М.: Наука. 2003. 542 с.
- Тулаева С. А., Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Молодежь коренных малочисленных народов Севера: стратегии конструирования идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25 (1). С. 168–189.
- Шевцов В. В. Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати // Известия Уральского государственного университета. 2011. № 3. С. 92–99.
- Levi-Strauss C. *Mythologiques Le cru et le cuit*. Paris: Plon, 1964. 402 p.

References

- Anderson, B. 2001. *Voobrazhayemyye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole. 286 p.
- Brubaker, R. and F. Cooper. 2002. Za Predelami “Identichnosti” [Beyond “Identity”]. *Ab Imperio* 3: 61–115. <https://doi.org/10.1353/imp.2002.0025>
- Calhoun, K. 2013. *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow: Directmedia. 286 p.
- Golovneva, E. V. 2013. Regional'naya identichnost': teoreticheskiye aspekty izucheniya [Regional Identity: Theoretical Aspects of Study]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* 2: 81–88.
- Golovneva, E. V. and I. A. Golovnev. 2017. Obraz Sibiri v kinematograficheskom narrative: konstruktivistskiy podkhod [The Image of Siberia in Cinematic Narrative: A Constructivist Approach]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* 23(1): 114–123.
- Karbainov, N. I. 2021. Obrazy istorii «tyurkskoy tsivilizatsii» v postsovetском Tatarstane: elitarnyye versii i massovyye predstavleniya [Images of the History of “Turkic Civilization” in Post-Soviet Tatarstan: Elite Versions and Mass Representations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* 21(2): 45–74.
- Karpova, G. K. 2021. Vliyaniye kollektivnoy pamyati na potrebitel'skiye praktiki: keys rayona Tushino (Moskva) [The Influence of Collective Memory on Consumer Practices: The Case of the Tushino District (Moscow)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* 24(1): 138–167.
- Kasyanov, G. 2019. *Ukraina i sosedi: istoricheskaya politika 1987–2018* [Ukraine and Neighbors: Historical Politics. 1987–2018]. Moscow: NLO. 625 p.
- Kirdina-Chandler, S. G. 2019. K samoopredeleniyu rossiyskogo obshchestva: v poiskakh sistemy koordinat [Towards Self-Determination of Russian Society: in Search of a Coordinate System]. *Mir Rossii* 2: 6–24. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-2-6-24>
- Levi-Strauss, C. 1964. *Mythologiques Le cru et le cuit*. Paris: Plon. 402 p.
- Martynova, M. Yu., N. A. Belova, O. A. Zykina, and M. P. Klyaus. 2023. Obshchegrazhdanskiye i sotsiokul'turnyye tsennosti v vospriyatii rossiyskoy molodezhi [General Civil and Sociocultural Values in the Perception of Russian Youth]. *Vestnik antropologii* 1: 102–124. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124>

- Morozov, I. A. and I. S. Sleptsova. 2020. S pristrastiyem vglyadyvayas' v proshloye: «ad» i «ray» sovet'skoy epokhi v sovremennykh muzeynykh narrativakh [Peering into the Past with Passion: “Hell” and “Heaven” of the Soviet Era in Modern Museum Narratives]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* 23(5): 195–224.
- Petrova, R. I. 2016. Lokal'nyy uroven' v sisteme territorial'nykh identichnostey gorodov Urala [Local Level in the System of Territorial Identities of the Cities of the Urals]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra* 5: 46–51.
- Prizyuk, V. Ya. 2022. Istoricheskiye obrazy kak konstrukt identichnosti territorii: aktual'nyye tendentsii Permskogo kraya [Historical Images as a Construct of Territory Identity: Current Trends in the Perm Region]. *Historia provinciae — zhurnal regional'noy istorii* 2: 539–580. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-5>
- Shevtsov, V. V. 2011. Obraz Sibiri na stranitsakh ofitsial'noy i chastnoy dorevolyutsionnoy pechati [The Image of Siberia on the Pages of Official and Private Pre-Revolutionary Press]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* 3: 92–99.
- Tishkov, V. A. 2003. *Rekviyem po etnosu* [Requiem for Ethnicity]. Moscow: Nauka. 542 p.
- Tulaeva, S. A., E. F. Gladun, and O. V. Zakharova. 2022. Molodezh' korennykh malochislennykh narodov Severa: strategii konstruirovaniya identichnosti [Youth of Indigenous Peoples of the North: Strategies for Constructing Identity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* 25(1): 168–189.
- Zimovina, E. P. and K. S. Prodantsov. 2022. Istoricheskaya pamyat' naseleniya Kaliningradskoy oblasti: obshcheye i osobennoye v vospriyatii pokoleniy [Historical Memory of the Population of the Kaliningrad Region: General and Special in the Perception of Generations]. *Vestnik antropologii* 2: 7–27. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-2/7-27>